

Уральское монетное производство XVIII в.

Известный советский нумизмат И. Г. Спасский отмечал, что в годы Советской власти нумизматика претерпела существенные изменения. «Нимало не утратив своих «вспомогательных» свойств при разработке многих частных вопросов истории, она нашла свое главное направление как историко-экономическая дисциплина»¹. Уральское монетное производство XVIII—XIX вв. было неразрывно связано с медеплавильной промышленностью, общей социально-экономической историей Урала и страны в целом². В данной статье рассматривается история уральских монетных дворов, причем основное внимание обращено на центральное предприятие — Екатеринбургский монетный двор, который чеканил в XVIII в. почти всю российскую монету³.

В XVIII в. русское правительство уделило большое внимание чеканке медной монеты и приблизило ее производство к местам выплавки меди. В 1724 г. Петром I для знакомства с экономическим и политическим положением Швеции был послан советник берг-коллегии В. Н. Татищев. В донесениях на родину, кроме всего прочего, он извещал о местной монетной системе и тяжеловесных медных монетах — платах. Идея производства подобных денег в России встретила одобрение у правительства, а указом от 18 июня 1725 г. было велено делать их на Екатеринбургском заводе: «... делать из красной чистой меди платы и клеймить в середине цену, а на каждом углу герб, а именно: рублевые, полтинные, полуполтинные и гривенные; только весом те платы производить в пуд 10 рублей, не вычитая из того весу задельных и других расходов...

¹ Спасский И. Г. Нумизматические исследования (Россия, Украина, Белоруссия) в 1917—1967 гг. — В сб.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969, сб. 2, с. 91.

² Об особенностях развития медеплавильной промышленности и роли медных денег в XVIII в. см.: Черноухов А. В. Некоторые вопросы развития медной промышленности Урала во второй половине XVIII в. — В сб.: Вопросы истории Урала. Свердловск, 1975, вып. 13, с. 3—11; Он же. Место медной монеты в денежном обращении России в XVIII в. — В сб.: Историография и источниковедение. Свердловск, 1976, с. 148—160.

³ Черноухов А. В. Обзор фонда Екатеринбургского монетного двора. — В сб.: Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974, сб. 1, с. 41—50.

и ходить тем платам в народе за всякие товары, и в подати и в казну и из казны в расходы»⁴.

Подготовительный и начальный периоды производства отчетливо прослеживаются по инструкции, данной 9 октября 1725 г. начальником уральских заводов В. И. Генниным берггешворену К. Гордееву. Вот некоторые пункты предписания: «... фабрике, в которой платы будут печататься, быть в том амбаре, где колотушки на заречной стороне, доски на медные платы выбивать ... в той фабрике, где крышечные доски или медь бьют, или где пристойно, станки, в которых платы будут резать, велеть лить мастеру Дейману против моделей ..., мастеру Ивану Константинову, которому штемпели вырезывать, велеть немедленно вырезывать чеканы по посланному при сем образцу, чеканы ковать из самого удобного укладу или стали, ... молот, которым платы будут чеканить, надлежит лить, прежде сыскав пропорцию в весе, которым бы можно в один раз клеймо наложить ... если он легкий, то вылить потяжелее, чтоб с одного разу герб напечатался ..., чтоб не мог никто платов обрезать, то велеть делать инструмент, которым по ребру изобразить»⁵.

Первые екатеринбургские деньги начали изготавливать 1 декабря 1725 г., и они представляли собой четырехугольные плиты четырех видов: рублевые весом 4 фунта, полтинные, полуполтинные и гривенные. В малом количестве изготавливались также квадратные пятикопеечники и копейки. Из инструкции видно, что оборудование и техника производства плат были явно несовершенны, поэтому деньги получались различными по весу и происходили частые конфликты между рабочими и начальством. В 1726 г. мастера монетного дела прямо заявили В. И. Геннину, что «невозможно готовить монету в точно установленном весе, так как условия и инструменты не обеспечивают этого»⁶.

Изготовление плат было недолгим. Решив увеличить доходы за счет чеканки медных пятикопеечников, так как они «сделаны будут скорее и прибыли от них будет больше», правительство 26 декабря 1726 г. отправило в Екатеринбург указ, который гласил: «... начинайте скорее делать для такой монеты (пятикопеечников.—А. Ч.) медные кружки ... и чтоб оных было наделано весом до 10 000 пудов из наличной и новой меди; а чего недостает, то число делать из платов; ... а платов больше делать по указу обождите»⁷.

В январе 1727 г. указ был получен в Екатеринбурге, к этому времени плат было сделано на сумму 43 тыс. руб.⁸ С марта этого же года здесь началось изготовление пятикопеечных кружков-

⁴ ПСЗ, т. 7, № 4829; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 101, л. 78.

⁵ *Георгий Михайлович*. Монеты царствований императрицы Екатерины I и императора Петра II. СПб., 1904, док. 7, с. 3—4 (далее — Г. М.).

⁶ Г. М. Монеты Екатерины I..., док. 20, с. 8—9.

⁷ ПСЗ, т. 8, № 5411.

⁸ ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 101, л. 33.

заготовок, которые отсылались для последующей чеканки в Москву⁹.

В. И. Геннин пытался как можно скорее выполнить предписание высшего начальства, поэтому была разработана специальная инструкция, которой предусматривалось расширение производства, введение вододействующей системы машин в монетном деле, улучшение качества продукции: «... чтоб за медными полосами, из которых кружки будут вырезываться, остановки не было, то умножить колотушки..., для плющения меди прибавить к прежним плющильные, первую, где железо плющат, другую, где полосы водой будут резать ... и плющить под всеми денно и ночью с переменою; изготовить водяные и ручные машины, на кружок по краям делать гуртики»¹⁰.

Уже к апрелю 1727 г. наряд правительства был выполнен, указ о продолжении изготовления кружков не последовало, поэтому платный двор был временно закрыт, но указом от 4 декабря 1734 г. вновь потребовалось изготовить партию монетных кружков.

Работа по выполнению очередного наряда началась с трудностей: «искусные мастера» еще раньше были отправлены из Екатеринбурга в Москву, а прежние строения были заняты другим оборудованием. Об этом доносил в столицу В. Н. Татищев, сменивший В. И. Геннина на посту главного горного начальника¹¹.

Для более четкой организации работ В. Н. Татищевым был разработан специальный «наказ» и учреждена должность особого горного надзирателя. В наказе отмечалось: «... при деле кружков быть особливо тебе Степанову, да при тебе двум надзирателям, в деле тех кружков всякие припасы брать тебе в заводской конторе, а деньги у казначея. И тому всему содержать особую смету, чтоб обстоятельно видеть можно было, почем на пуд тебе кружков передел во всем обойдется». С уральских заводов в Екатеринбург были присланы специалисты, а для работ, не требующих особого мастерства — «во все цеха» — из Тобольска прибыло 130 рекрутов¹².

Почти одновременно с изготовлением кружков-заготовок в городе была учреждена и постоянная чеканка медной монеты, поэтому здесь были построены главный монетный двор, новая обрезающая фабрика, а в 1736 г. еще «4 избы для ручного печатания денег», в 1738 г. — две новые деревянные фабрики. В этих строениях и разместилось все монетное производство¹³.

Новое производство требовало значительного количества времени на освоение, и хотя были введены строгие меры, брак был неизбежен. Началась серия побегов мастеров и работников с нового

---

⁹ ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 42, л. 11 об.

¹⁰ Г. М. Монеты Екатерины I..., док. 28, с. 20—21.

¹¹ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 7, л. 29.

¹² ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 10, л. 140; д. 7, л. 3—4.

¹³ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 7, л. 96.

дела. Бежали в одиночку, чаще всего группами. Только за май 1736 г. из различных цехов сбежало 17 человек¹⁴.

Бегство работников вызвало глубокую озабоченность начальства. Помимо того, что было приказано повсеместно разыскивать беглецов, в канцелярии главного правления заводов 15 мая 1736 г. было вынесено специальное распоряжение, по которому беглым, «которые сами явятся, наказания за побег не чинить», а «определить в работу прежнюю или где нужда потребуется», но всем устраивать допросы — где и как жил беглец, кто его принимал, «не было ли каких паспортов», «отчего из службы или мастерства бежал»¹⁵.

Следствия и розыски не принесли желаемых результатов, на столах горного начальства постоянно были донесения о том, что мастеровые прямо с работы или из дома вновь «подлинно бежали», «неведомо куда бежали». Побегі рабочих — яркое свидетельство того, как складывалось новое производство, а вместе с ним своеобразный, отличный от других категорий рабочих отряд рабочих-монетчиков.

В 1740 г. работа по чеканке монеты была прекращена. За этот короткий период было изготовлено 779 тыс. руб., чеканка же кружков-заготовок продолжалась до августа 1746 г., и их было изготовлено на сумму 1,5 млн. руб.¹⁶

Чеканка монеты в Екатеринбурге была возобновлена в 1747 г. Указом сената «для удовлетворения в Сибирской губернии на вымен из народа мелких серебряных денег и для размену крупной монеты» требовалось сделать медных денег до 1 млн. руб.¹⁷ Эта работа началась 27 января 1748 г. на 10 гуртильных и 6 печатных станах. Для общего руководства из Москвы были присланы 17 «денежных мастеров», а всего на монетном дворе в 1748 г. работало 467 человек, в том числе: мастеров — 10, подмастерьев — 11, учеников — 5, работников — 441¹⁸.

Сразу же после начала работ местное начальство просило разрешения расширить постройки, увеличить количество рабочих, но ответ из столицы последовал отрицательный. Монета в Екатеринбурге изготовлялась по таким же образцам, как и в Москве, правда, было распоряжение клеймить ее буквами «ЕК.БУ» (Екатеринбург), но оно не было осуществлено. 26 июля 1751 г. очередной наряд правительства по чеканке монеты был выполнен, инструменты и станы опечатаны, а приезжие мастера отправлены обратно в Москву¹⁹. Чеканка денег в Екатеринбурге вновь временно прекратилась.

Таким образом, в первой половине XVIII в. уральское монетное

---

¹⁴ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 10, л. 6, 43, 47, 54 и др.

¹⁵ Там же, л. 53, 98.

¹⁶ Г. М. Монеты Елизаветы..., т. 1, док. 77, 107; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1089, л. 106—107.

¹⁷ ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 42, л. 12 об.

¹⁸ Г. М. Монеты Елизаветы..., т. 1, док. 122.

¹⁹ ГАСО, ф. 129, оп. 1, д. 42, л. 12 об.

производство работало непостоянно. Но несмотря на кратковременное изготовление монеты здесь сложилось уникальное предприятие, где совмещались работы по плавке металла, его обработке (т. е. такие, какие были в любом горном производстве вообще), а также выполнялись своеобразные, требующие особой квалификации операции по изготовлению денег. Ввиду особенности производства здесь сложился и своеобразный отряд рабочих-монетчиков, которые, по образному выражению начальства, «с малолетства привыкли к этим занятиям и приучали к тому же делу и детей своих, которые замещали своих отцов в случае их смерти или старости»²⁰.

В 50-х гг. XVIII в. русское правительство, не изучив уроки развития денежного хозяйства страны предыдущего десятилетия, вновь взяло курс на усиленную чеканку медной монеты. Для этой цели было решено использовать почти совершенно готовый к работе монетный двор в Екатеринбурге, и начало его постоянного действия следует отнести к 1755 г. С этого времени чеканка медной монеты здесь не прекращалась вплоть до закрытия предприятия в 1876 г.

Монетный двор в середине XVIII в. состоял из деревянных построек, которые требовали реконструкции. Перестройке содействовало несчастье: в ночь на 19 сентября 1759 г. возник пожар, в результате которого сгорел почти весь монетный двор — расковочная, медеплавильная, плющильная, прорезная и другие «фабрики»²¹. Для расследования причин пожара, а также для изучения возможностей организации более оперативной чеканки монеты в Екатеринбург прибыл президент берг-коллегии И. Шлаттер.

Прекрасный знаток монетного дела, автор двух книг, «касающихся до монетного искусства», он доносил в столицу о необходимости строить в городе каменный монетный двор. Разрешение было получено, поэтому на протяжении второй половины XVIII в. одновременно с чеканкой монеты проводилась перестройка и реконструкция монетного двора. К концу века появились двухэтажные каменные фабрики для основных и вспомогательных цехов, деревянные постройки остались лишь в виде исключения. Вся полезная площадь предприятия равнялась 1062 кв. саженям²².

Немаловажным обстоятельством в перестройке Екатеринбургского монетного двора явилось и то, что указом от 22 декабря 1763 г. в Сибири, на Колывано-Воскресенских заводах, предписывалось открыть подобное предприятие. Здесь предполагалось чеканить медные деньги из золотисто-серебристой меди по 25 руб. из пуда, которые бы «обращение свое имели только в одной Сибирской губернии». Уральский монетный двор должен был стать базой для оснащения сибирского. Действительно, уже в первый год существования нового монетного двора туда было направлено с Урала

---

²⁰ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 571, л. 41.

²¹ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 40, л. 2.

²² ЦГИА, ф. 1101, оп. 1, д. 54, л. 26—27.

все необходимое оборудование, а также знающие специалисты в количестве 29 человек²³.

Работа Екатеринбургского монетного двора началась в 1755 г. с чеканки монеты 8-рублевого достоинства, за 3 года было сделано таких денег на сумму 436 891 руб.²⁴ Эта монета не поступила в народное обращение, а была перечеканена в монету 16-рублевого достоинства. Всего до 1762 г. по 16-рублевой стопе было начеканено денег на сумму 7 049 152 руб. 29 мая 1762 г. последовал сенатский указ, которым предписывалось медную монету 16-рублевого достоинства перечеканить в монету 32-рублевого достоинства. Хотя эта операция объяснялась тем, что на монете «стерлись изображения монархов», на деле правительство проводило ее с целью пополнения запасов казны — деньги нужны были для покрытия все возрастающих долгов и расходов. По плану перечеканки предполагалось открыть монетные дворы в Ярославле, Белгороде, Воронеже, Нижнем Новгороде, а из Екатеринбурга требовалась отправка оборудования к новым центрам чеканки монеты. Работа приняла огромный размах, за неимением достаточного количества работников к операции были привлечены даже «содержащиеся по неважным делам колодники»²⁵.

Работа завершена не была, с восшествием на престол Екатерины II операция была запрещена и началась обратная перечеканка денег в старое 16-рублевое достоинство, которая была закончена в конце 1763 г.²⁶ После бурных перечеканок на медную монету была установлена твердая стопа — деньги вплоть до конца XVIII в. изготавливались по 16 руб. из пуда меди (правда, в 1796 г. была еще одна попытка денежной реформы, но она также закончилась безрезультатно).

Екатерина II и ее окружение не прикладывали особых усилий к регулированию денежного обращения в стране. Новые расходы большей частью покрывались медной монетой, о которой мнения «всепопданных рабов» были самые доброжелательные. «Медной монеты можно наделать и на 10 млн., — рассуждали приближенные императрицы, — деньги ведут войну и делают мир, размножают коммерцию и облегчают народ от долгов... имея государь великое число денег, великие может и дела поделать, а особливо в России».²⁷ Исходя из такой политики, правительство увеличивало производительность Екатеринбургского монетного двора и в 1763—1800 гг. здесь было начеканено более 62 млн. руб. медной монеты, на ее изготовление было израсходовано 2/3 от всей выплавленной в стране меди²⁸.

²³ ЦГАДА, ф. сената, д. 3593, л. 482.

²⁴ Г. М. Монеты Елизаветы..., т. 1, с. 276.

²⁵ ЦГАДА, ф. сената, д. 370—392, 1079.

²⁶ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 45, л. 18, 64 и др.

²⁷ Цит. по кн.: Лихачев Н. П. Русские монеты 1741—1796 гг. СПб., 1897, с. 6.

²⁸ ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 2204, л. 95—96; ГАСО, ф. 33, оп. 1, д. 2, л. 1—2; ф. 56, оп. 1, д. 146.

С введением в денежное обращение бумажных ассигнаций потребность в медной монете еще более возросла. Поэтому правительство указом от 1 февраля 1788 г. предписывало «для умножения передела» построить на Урале два новых монетных двора — Аннинский и Нижне-Исетский. Первый был пущен в действие на базе медеплавильного завода в 1789 г., работал 10 лет, здесь было изготовлено 5 млн. руб. денег. Второй строился очень медленно, но все-таки был закончен, однако в ночь на 23 декабря 1795 г. сгорел, поэтому все оборудование было передано Екатеринбургскому монетному двору. Предприятие было расширено, оснащено новыми машинами, что способствовало еще большей его производительности²⁹.

О состоянии технической оснащенности предприятия и производстве монеты можно судить на основании многочисленных архивных описаний монетного двора³⁰. Наибольший интерес представляет описание, сделанное в 1780 г. шихтмейстером Максимом Поповым (именно о нем высоко отзывался А. Н. Радищев, посетивший монетный двор в 1790 г. во время следования в Сибирь)³¹. Рукопись содержит 16 листов убогистого текста; по рапорту, подписанному М. Поповым, можно сделать вывод, что она предназначалась для М. Ф. Соймонова, президента берг-коллегии.

Медь на монетный двор поступала в штыках. В расковочном цехе они нагревались и под молотами вытягивались в полосы, которые затем отправлялись в плющильный цех. Здесь медь вновь нагревалась и пропускалась на ломовом стане, представлявшем собой два чугунных валка. После этой операции получалась полоса, ее охлаждали водой, отчего она становилась мягче и исчезала окалина. Для того чтобы полосы получались «тем же весом и пропорцією, каковые в деньгах», их дополнительно обрабатывали на указных станах (принцип работы тот же, что и ломовых): Обработанные полосы поступали в прорезной цех.

В прорезном цехе производилась вырезка кружков при помощи специальной машины (штампа), полоса подавалась под нее вручную. Далее кружки попадали на следующую операцию, а обрезки возвращались в плавильный цех.

В гуртильном цехе происходила сортировка и окончательная очистка кружков, после этого они попадали на гуртильный стан, представляющий собой вращающийся круг, по диаметру которого были укреплены три неподвижные плитки (верейки). Кружок, прокатившись между кругом и плиткой, получал гурт — гладкую цилиндрическую поверхность и поступал на последнюю операцию — тиснение.

Тиснительный цех был оснащен 12 станками, принцип действия

---

²⁹ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 98, л. 1; д. 109, л. 18.

³⁰ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 121, 244, 345 и др.

³¹ Практическое описание монетного производства в Екатеринбурге. 1780 г. М., 1907, с. 1—16.

их был почти такой же, как и прорезных станков, подача кружков производилась вручную, отчего случались частые увечья рабочих.

Помимо основных цехов по чеканке монеты на предприятии были и вспомогательные. В плавильном из брака, отходов выплавлялись новые штыки, в якорном изготовлялись и чинились инструменты (чеканы, тяги, винты, приспособления и т. д.). в кузнице делались заготовки, в слесарном — оборудование, в пильной мастерской заготавливались припасы и пиломатериалы. Кроме того, на монетном дворе было свечное и некоторые другие производства. Все машины и оборудование приводились в движение водой, вододействующая система была преобладающей на протяжении всего XVIII в.

Краткий обзор производства монетного двора позволяет сделать вывод, что здесь выполнялись всевозможные работы, существовавшие в горном деле вообще, не говоря о специальном монетном деле. Каждая поделка имела своих представителей — плавильщиков, работников у прорезки кружков, гуртильщиков, обжигальщиков, печатных мастеров и др. На основании имеющегося материала (послужных, формулярных, именных списков) можно представить производственный персонал этого уникального предприятия. Он состоял из двух больших групп: первую составляли мастерские различных специальностей — токари, «инструментальные мастера», кузнецы, резчики штемпелей и чеканов и т. д.; вторую группу составляли мастерские, непосредственно занятые производством монеты («монетчики»), они производили все операции от плавки металла до упаковки монеты.

Внезаводские работы — заготовка угля, дров, различных припасов — как и на других заводах Урала, выполнялись приписными крестьянами и вольнонаемными рабочими. Так как это было казенное предприятие со строгой военной дисциплиной, то непосредственно на изготовлении денег не применялся вольнонаемный труд. Перевоз денежной казны в различные города страны производился специальными воинскими командами, а с конца XVIII в. стал применяться подряд: купцы под залог своего капитала и имущества перевозили денежные суммы до ближайшей пристани⁸².

В документах встречаются разноречивые данные о количестве рабочих на предприятии, и трудно установить их количество на определенный год. Это объясняется тем, что очень часто рабочие переводились на другую работу или же вновь возвращались к старому делу. Это касалось только тех, кто не был занят непосредственно на изготовлении монеты. И все-таки мы попытаемся проследить количественный состав рабочих во второй половине XVIII в. В 1763 г., после того, как часть мастеров и работников была отправлена на Сибирский монетный двор, в Екатеринбурге осталось 375 чел., а именно: в расковочном цехе — 45, плющильном — 22,

---

⁸² ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 2243, л. 271, 591—592.

прорезном — 45, гуртильном и тиснительном — 149, плавильном — 37, якорном — 36, кузнечном — 41 чел.³³ В 1789 г. на предприятии было уже 439 мастеровых и работных людей, а через 10 лет к ним прибавилось еще 256 чел., переведенных с Аннинского монетного двора, всего к концу XVIII в. на екатеринбургском предприятии насчитывалось 727 чел. Однако и этого количества было недостаточно, все увеличивающееся производство требовало до 1000 рабочих³⁴.

Из ведомостей по составу кадров видно, что на предприятии широко применялся труд малолетних. Так, из 727 чел. в 1797 г. малолетних было 170, т. е. более 20%³⁵. Приходя на работу с 12-летнего возраста, а иногда и еще раньше, они работали на монетном дворе по 40—50 лет, причем в большинстве без продвижения по службе. Только некоторые из них за многолетнюю работу становились подмастерьями или мастерами. Остальные же в старости переводились в сторожа, в караулы или отпускались «на свое пропитание». Относительно легкий труд и фактически военная система его организации привязывали работника к одному месту, он выносил здесь всяческие оскорбления и притеснения начальства. О тяжести доли рабочих ярко свидетельствует ведомость по переводу мастеровых с Аннинского монетного двора на Екатеринбургский. Здесь в послужных списках мастеровых в графе «к повышению чина достоин или нет и зачем» у начальства ни на одного человека не нашлось доброго отзыва, но с избытком можно встретить такие положения³⁶:

«Когда содержится в строгости, тогда не вдается в подлости, а без лозьев и батогов от мастерового мало добра рождается»; «По молодости их должно содержать в обуздании, а без того не ловки и не полезны быть могут» (о 12-летних работниках); «Все в службе быть годны, лишь почаще палочками поколачивать, да лозьями встряхивать надо, то и засыпаться не будут, да угаров меди меньше рождаться будет»; «Под добрым смотрением и строго содержа, так все хорошее от них рождается, а без журьбы успех невелик бывает»; «В службе быть с пользою могут, но не без лозьев»; «Работу достойно исполнять способен, но за упрямство почаще окроплять лозьями не худо его подобает»; «Живо работу чинить в состоянии, лишь только страхом поддерживаемы быть должны, ибо денежное дело лестное»; «Под добрым надзором кузнечное дело выполнять в состоянии, а в прочем леностью преисполнены»; «На языке гороваты, а в деле коловаты и кое как шишляют, расторопу в них отнюдь нет».

---

³³ ЦГАДА, ф. сената, д. 3593, л. 484 об.

³⁴ ГАСО, ф. 56, оп. 1, д. 98, л. 524—525; д. 127, л. 228; ф. 33, оп. 1, д. 3, л. 152—155.

³⁵ ГАСО, ф. 33, оп. 1, д. 3, л. 152—155.

³⁶ ГАСО, ф. 33, оп. 1, д. 127, л. 11—17, 21, 29 и др.

* * *

Таким образом, на Урале в XVIII в. сложилось уникальное монетное производство, здесь чеканилась почти вся российская медная монета. На Екатеринбургском монетном дворе работала огромная армия мастеровых и работных людей, которые по своему положению мало чем отличались от рабочих уральских заводов. А изучение истории монетных дворов имеет важное значение в рассмотрении вопроса истории денег и денежного обращения в классовом обществе как орудия эксплуатации народных масс. «Деньги, — писал В. И. Ленин, — ведь это сгусток общественного богатства, сгусток общественного труда, деньги — это свидетельство на получение дани со всех трудящихся...»³⁷

---

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 352.